

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 123—133.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 123—133.

Научная статья

УДК 94(37).09

DOI: 10.46726/И.2022.2.14

РИМСКАЯ ВИЛЛА В УСЛОВИЯХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЛАТИНСКОГО ЗАПАДА

Владимир Михайлович Тюленев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
tyulenev.vl@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется место римской виллы в процессе христианизации латинского Запада IV—VI вв. Особое внимание обращено на то, что в вилле могло культивироваться особое христианское благочестие, на формирование которого оказывали влияние взгляды владельца виллы, степень осмысления им христианского учения. Утверждается, что христианские практики в виллах осуществлялись вне церковного контроля, что нередко вызывало напряжение между двумя центрами христианизации: епископской кафедрой и аристократической виллой. В статье показано, что вилла благодаря особому топографическому положению нередко становилась местом аскетических практик, в которых сочетались идеалы пустынножительства и традиции аристократического досуга, важнейшим компонентом которого выступала интеллектуальная деятельность. На примере Вивария показано, что даже в условиях упадка вилл, который фиксируется археологами, сами поместья оставались важной ментальной категорией, без учета которой трудно понять феномен созданной Кассиодором монашеской общины. Как и аристократическая вилла предшествующего века, Виварий, как его изображает Кассиодор, отражал дихотомию частного и общественного, соединял интеллектуальный труд монахов с их хозяйственными заботами, направленными в том числе на внешний мир.

Ключевые слова: Поздняя Античность, вилла, римская аристократия, христианизация, монастыри, Виварий

Для цитирования: Тюленев В.М. Римская вилла в условиях христианизации латинского Запада // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 123—133.

Original article

ROMAN VILLA IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIANIZATION OF THE LATIN WEST

Vladimir M. Tyulenev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
tyulenev.vl@yandex.ru

Abstract. The place of roman villa in the process of Christianization of the Latin West in the 4th—6th centuries is analyzed in the article. Particular attention is drawn to the fact that a special Christian piety could be cultivated in the villa, the formation of which was influenced by the views of the owner of the villa and the degree of his understanding of Christian teaching. It is argued that Christian practices in the villas were carried out beyond the church control, which often caused tension between the two centers of Christianization: the episcopal see and the aristocratic villa. The article shows that the villa, due to its special topographical position, often became a place of ascetic practices, which combined the ideals of hermit's life and the traditions of aristocratic leisure, the most important component of which was intellectual activity. Using the example of Vivarium, it is shown that even in the conditions of the decline of villas, which is recorded by archaeologists, the estates themselves remained an important mental category, without which it is difficult to understand the phenomenon of the monastic community created by Cassiodorus. Like the aristocratic villa of the previous century, the Vivarium, as depicted by Cassiodorus, reflected the dichotomy of the private and the public, combined the intellectual work of the monks with their economic concerns, directed, among other things, to the outside world.

Keywords: Late Antiquity, villa, Roman aristocracy, Christianization, monasteries, Vivarium

For citation: Tyulenev V.M. Roman villa in the context of the Christianization of the Latin West, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 123—133.

Судьба римской виллы периода поздней Античности, к сожалению, оказалась вне круга вопросов, которые традиционно привлекали интерес отечественных исследователей. Между тем в зарубежной историографии осмыслен достаточно богатый археологический материал, позволяющий судить о трансформации римской виллы в IV—VI вв. и поставить вопрос о связях аристократических поместий с поселениями нового типа [см. особо: *The Roman Villa...*], а также благодаря анализу литературных памятников удалось взглянуть на феномен виллы в рамках широкого историко-антропологического контекста. В результате виллы перестали восприниматься как просто загородные усадьбы аристократии, вместо этого пришло понимание виллы как сложного феномена, объединяющего одновременно резиденцию аристократа, сельскохозяйственные угодья, прилегающие к ней и включенные в широкий спектр арендных отношений [Bowes 2007: 147], и, самое важное, стало очевидным, что римскую виллу вообще, и позднеантичную в частности невозможно понять, пренебрегая тем фактом, что она занимала особое место в римском сознании и служила реальным и/или воображаемым пространством досуга (*otium*), то есть выступала ментальной категорией, вокруг которой строилась дихотомия *negotium* и *otium*, общественного и индивидуального,

служила местом встречи друзей-аристократов и в то же время «самым интимным местом из общественных пространств» [Mratschek: 253]. Эпистолярная культура поздней античности превращала реальную виллу в словесную, риторическую конструкцию [Bowes 2007: 147]. Очевидно, что это пространство виллы (как реальное, так и воображаемое) в период IV—VI вв. переживало серьезную трансформацию, на которую оказывали свое влияние и политический кризис, приведший к гибели римской государственности, и формирование новой религиозной культуры.

В своей статье мы попытаемся обозначить ключевые моменты этой трансформации и ответить на вопрос о том, как виллы влияли на ход и характер христианизации, а также какое место они продолжали занимать в сознании представителей римской аристократии, выбравших новый для себя путь, связанный с религиозным служением. Поскольку же вилла оказалась социокультурным феноменом преимущественно западных частей римского мира [Bowes 2018: 451], то разговор в этой статье будет ограничен именно латинским Западом.

Начать необходимо с того, что в медиевистике давно признается важность аристократических поместий и их владельцев в процессе христианизации сельских районов западной части Империи [Bowes 2007; Codou, Colin; Frend 1979; Wataghin]. При этом современная историография, посвященная вопросу позднеантичной виллы, все более пристальное внимание обращает на потенциальный разрыв между характерными для римской виллы частными религиозными практиками, в основе которых лежали семейные, дружеские, патронатные отношения, и теми формами религиозной жизни, которые сосредотачивались на фигуре епископа [Bowes 2007: 145; Percival: 4]. Во многом такой подход символизировал отказ от более традиционного взгляда на процесс христианизации сельской местности, взгляда, выразители которого игнорировали роль виллы и сельских магнатов, но подчеркивали роль епископов и монахов в христианизации сельской округи (см., напр.: [Frend 1979]). Действительно, латинская агиография старательно формировала образ святого епископа, повсюду распространявшего христианство. Слова Сульпиция Севера о том, что «после Мартина уже не было ни одной местности, которая не обрела бы либо часто посещаемые церкви, либо многолюдные монастыри» (*Sulp. Sev. Vita Mart.* 13, 9, пер. А. И. Донченко), или замечание Констанция Лионского о том, что и по сей день на пути следования епископа Германа Осерского «можно увидеть дома для молитв, кельи и поставленные знаки креста» (*Vita Germ.* 30), вполне способны создать впечатление, что христианизация проходила прежде всего благодаря епископской инициативе. При этом исследователи, видя именно епископов проводниками в деле евангелизации, не только опирались на агиографические тексты, но и предпочитали видеть в епископах IV—V вв. прелатов с примерно тем же набором полномочий, что и средневековые епископы, которые возглавляли приходскую сеть и контролировали сельское духовенство [Bowes 2007: 148—149]. Что же касается живущей в виллах аристократии, то ее представители считались естественными союзниками епископов, эпистолярное общение владельцев вилл и епископов убеждало исследователей в том, что принявшие христианство аристократы и епископы образовывали коалицию, в том числе в обращении сельских жителей в новую для них религию [Dölger: 298—300]. Появление же некоторых представителей элиты на епископских кафедрах, что, действительно, стало почти общим местом для латинского Запада V в., казалось прямым выражением этого союза.

Между тем картина христианизации, а также диалога условных епископа и сельского магната была гораздо сложнее. Как утверждает К. Боуз, особые социальные качества виллы — экономические и арендные структуры, сельская топография, сеньориальная идентичность, — очевидно, играли определенную роль в формировании христианских практик, и вряд ли владельцы вилл вели себя как агенты епископов [Bowes 2007: 150]. Исследования последних лет показали, что сельские церкви, вероятно, были предоставлены сами себе, поскольку границы деятельности большинства епископов IV—V вв. определялись пределами города. Обычный епископ на латинском Западе обладал весьма ограниченными как экономическими, так и социальными ресурсами, чтобы управлять еще и сельской местностью [Lepelley; Sotinel]. Даже такой, казалось бы, могущественный епископ, как Амвросий Медиоланский, сосредоточивая свои усилия по укреплению власти в городе, вынужден был оставлять сельскую местность вне поля своего внимания [McLynn: 252—262].

В свою очередь, обитатели виллы, связанные узами родства и экономической зависимости, и до христианизации составляли религиозные общины, у которых были собственные ритуалы и божества, святылища и храмы [Dölger] именно владелец виллы (*dominus*) занимался строительством культовых сооружений и организовывал сам культ. Смена религии, обращение в христианство не могли полностью уничтожить подобную форму отношений или в короткий срок значительно ее перестроить. Именно зависимые колонны составляли основную часть верующих, которые молились в возведенных владельцами вилл базиликах и крестили своих близких в баптистериях. Более того, если принять максимум Сидония Аполлинария, написавшего однажды своему другу Консенцию: «поместье твое не столько твое, сколько твоих друзей» (*Sid.* Ep. VIII, 4, 1), — религиозная община могла включать также и неопределенный круг друзей римского аристократа. Неудивительно, что Сульпиций Север поместил изображения своего друга Паулина Ноланского и его жены Терасии в баптистерии своего поместья в Примулиаке рядом с изображением святого Мартина (*Paulin.* Ep. 32, 7—9), по-видимому, считая их членами христианской общины своей виллы [Vock: 19; Bowes 2007: 163]. Очевидно, и клирики для проведения литургии выбирались и назначались из жителей виллы, о чем свидетельствует Кодекс Феодосия (CTh 16.2.33 (398)), при этом, правда, рукополагались епископом. И хотя это послание было адресовано Евтихиану, префекту претория Востока, устанавливаемая в нем норма, скорее всего, может иллюстрировать ситуацию во всей Империи. Крайне важно понимать, что эта частная власть аристократов распространялась на сотни и тысячи душ и по своему экономическому и социальному потенциалу вполне могла составлять конкуренцию власти городского епископа.

Епископ же поздней Античности, формально возглавлявший церковную провинцию, оставался прежде всего руководителем городской епархии, хотя жития святых всячески стремятся создать образ епископа как духовного (и не только духовного) лидера всей провинции. Но у епископа было важное преимущество, его прерогативой было решение доктринальных вопросов, отчего епископская церковь воспринималась как носитель правильной веры. В результате «частные» религиозные практики, так или иначе связанные с виллой, нередко вызывали обеспокоенность со стороны церковной и гражданской властей. Действительно, поместье, удаленное от епископского взора, могло стать местом религиозного сопротивления [Frend 1979: 25—42]. Для такого же региона, как Северная Африка, переживавшего на протяжении

десятилетий донатистский раскол, вопрос религиозной самостоятельности виллы стоял наиболее остро. Неслучайно императорская власть оказывала давление на тех собственников, в чьих имениях происходили недопустимые сходки и «порочные сакральные мистерии» (CTh 16.5.54.6 (414)). Сложно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с реальной ситуацией или, как полагает К. Боуз, с ересиологическим тропом [Bowes 2007: 166], который связывал определенное место (виллу) с определенной деятельностью (упорством в ереси), но то, что подобное напряжение между двумя «центрами» христианизации сознавалось и, таким образом, было частью мыслительной конструкции, очевидно.

Вилла, отдаленная от города, а часто расположенная вдали от главных дорог, могла культивировать особое, свойственное взглядам и ценностям ее хозяина, христианское благочестие. Ярким выражением этой особенности стало формирование в виллах рубежа IV—V вв. аскетических практик, что свидетельствовало, по замечанию К. Боуз, не столько о христианизации виллы, сколько о «виллаизации» (*villa-ization*) христианства [Bowes 2018: 449]. В условиях, когда сами монашеские практики только складывались, а ново-явленные аскеты не имели четкой модели, которой можно было бы следовать, в каждом конкретном случае аскетическая община представляла что-то особенное. На первый план выходил образ жизни, а не устав или правило, хозяин виллы был не столько «настоятелем», сколько вдохновителем, примером. Даже сравнение таких последователей святого Мартина, как Сульпиций Север и Паулин Ноланский, показывает, что их практики, сформированные иной, нежели в случае с Мартином, социальной и культурной средой, скорее были компромиссом между аскетизмом их учителя и тем образом жизни, который формировал досуг римской аристократии [Percival: 9].

Соотношение сил между этим особым благочестием, культивируемым внутри виллы, и культом, сложившимся вокруг фигуры епископа, в каждой конкретной ситуации могло быть различным. В нашем распоряжении есть пример Сульпиция Севера и его друга Паулина Ноланского, каждый из которых на основе своей виллы создал религиозный центр.

Как видно из писем Паулина Ноланского, в конце IV в. Сульпиций Север построил в своем поместье Примулиак церковь и баптистерий. При этом Паулин пишет, что Сульпиций испросил у него для своей «домашней церкви» (*domestica ecclesia*) священную реликвию, которой оказалась щепка от креста Спасителя; собственно рассказу о нем и посвящена значительная часть послания Паулина (*Paul. Nol.* Ep. 31, 1—5). Именно здесь, в Примулиаке, благодаря литературному таланту и организационным усилиям Сульпиция Севера стал оформляться культ святого Мартина [Браун: 68], распространившийся со временем на большую часть Галлии. Очевидно, особая религиозность, базирующаяся на аскетических практиках, культивировалась не только хозяином дома и его ближайшим окружением. Описывая жизнь созданной им общины, Сульпиций в своем последнем «Диалоге» упоминает «толпу монахов» (*turba monachorum*), пришедших послушать прибывшего в виллу гостя, а также множество мирян, желавших присоединиться к слушателям (*Supl. Sev. Dial.* III, 1, 4—6). Даже если мы имеем дело с риторическим преувеличением, слова Сульпиция позволяют допустить присутствие рядом с владельцем виллы некоторого кружка единомышленников. Однако важен не только факт превращения виллы в подобие монастыря, не менее значимыми представляются оговорки Сульпиция Севера о том, что культивируемое им благочестие

встретило если не критику, то, по меньшей мере, непонимание со стороны некоторых клириков (*Sulp. Sev. Dial. I, 2, 4*). Сульпиций подает это напряжение как конфликт между тем образом жизни христианина, к которому стремился он сам, и так называемым «ложным благочестием» городского клира, погрязшего в богатстве, высокомерии, праздности (*Sulp. Sev. Dial. I, 21*). Но не исключено, что риторика Сульпиция, воспроизводящая морализаторские оценки Иеронима Стридонского, была его ответом на попытки епископата установить контроль над местной религиозной инициативой [Bowes 2007: 168].

С другой стороны, Паулин Ноланский, «ставший из сенаторов пресвитером» (*Cassiod. Inst. I, 21, 2*), в поместье, расположенном близ Нолы, создал религиозный центр, вполне независимый от внешнего влияния. Еще до рукоположения в епископы он фактически узурпировал культ святого Феликса, отодвинув в тень тогдашнего ноланского епископа Павла [Bowes 2007: 168], построил на территории виллы церковь и приют для паломников, а впоследствии силой своего литературного таланта старался превратить Нолы в сакральное место, патрон которого Феликс выступал гарантом достижения вечного блаженства [Isléme: 38].

В условиях христианизации, действительно, многое рождалось частной инициативой и лишь со временем те или иные практики обретали свое теологическое обоснование и/или нормативное оформление. Вспомним хотя бы растерянность того же самого Паулина, уже ставшего епископом, который не знал, правильно ли он поступил, ответив согласием на просьбу высокородной вдовы похоронить ее сына близ могилы святого Феликса (*Aug. De cura I, 1*). В результате Паулин счел необходимым обратиться за разъяснением этого вопроса к епископу Гиппона Регия Августину, который оформил свой ответ в виде небольшого теологического трактата «О попечении в отношении усопших» (*De cura pro mortuis gerenda*). Читая сочинения самого Августина, в том числе «О граде Божием», мы можем увидеть, как территории североафриканских вилл рубежа IV—V в. заполнились храмами с мощами святых, от которых местные жители ждали чудес исцеления (*Aug. De civ. Dei XXII, 8*).

Сообщения о религиозных практиках в виллах обычно фрагментарны и кратки, но даже отдельные примеры, дошедшие до нас в источниках, позволяют судить об общих тенденциях в развитии виллы. Очевидно, что в V в. не без влияния, с одной стороны, евангельской проповеди, а с другой, социально-политического кризиса, особенно остро воспринятого римской аристократией, многие ее представители сменили свой образ жизни, уйдя от суеты политической жизни и выбрав путь религиозного созерцания. И если уход Паулина от мира в конце IV в. вызвал неоднозначную реакцию со стороны его друзей [Браун: 66—67], то аскетический образ жизни аристократов второй половины V в. уже не был чем-то удивительным. Так, Сидоний Аполлинарий описывает, как он заехал на виллу Максима и обнаружил своего друга заметно изменившимся: коротко стриженным, но с длинной бородой, отказавшимся от использования роскошной мебели и перин, предпочитавшим простую пищу, где больше было овощей, нежели мяса (*Sid. Ep. IV, 21, 3*). Единственное, о чем Сидоний поинтересовался у присутствовавших, к какому из трех разрядов следует теперь отнести владельца виллы: к монахам, клирикам или кающимся (*paenitentem*) (*Sid. Ep. IV, 21, 4*). Дальнейшая же беседа гостя и хозяина, которую пересказывает Сидоний, касавшаяся деловых вопросов, скорее свидетельствует, что перемена в образе жизни владельца виллы была воспринята как нечто само собой разумеющееся.

Пожалуй, самым известным примером создания на основе виллы религиозного центра является Виварий, основанный Флавием Кассиодором в середине VI в. в Калабрии. Известно, что около 555 г. по возвращении из Константинополя в Италию он образовал в своем родовом поместье Сквиллаций (*Squillacium*, совр. Сквиллаче), вдали от придворной жизни и мирской суеты что-то вроде монашеской общины. При этом из текста кассиодоровых «Наставлений о науках божественных и человеческих», основного источника наших сведений о Виварии, очевидно, что появление на свет общины стало личной инициативой бывшего квестора Остготского королевства. Мы ничего не знаем не только о реакции местного епископа на эту инициативу, но даже имени прелата. С другой стороны, немаловажным является тот факт, что к середине VI в. монашеская жизнь на Западе уже могла ориентироваться на некоторый опыт и установления (в том числе широко известные в латинском мире сочинения Иоанна Кассиана), легшие впоследствии в основу письменных правил, что заставляет предполагать, что жизнь в Виварии подчинялась определенной норме. Судя по тексту «Наставлений», монастырь должен был позиционировать себя не только как центр учености, о чем уже много раз было сказано [O'Donnell; Klauser; Momigliano], но и как морально-дидактический институт, чьи заботы распространяются в том числе на округу, а также как хозяйственная единица. В 32 главе первой книги «Наставлений» Кассиодор призывает монахов Вивария наставлять в добрых нравах крестьян, принадлежащих монастырю, не отягощать их бременем чрезмерных платежей, учить их избегать того, что свойственно крестьянам (воровства и языческих ритуалов), давать образец простоты и отказа от лицемерия (*Cassiod. Inst. I, 32, 2*).

Для начатого в статье разговора, однако, важно обратить внимание на то, что Кассиодор, как и его предшественники, осмысливает новое религиозное пространство в терминах и образах римской виллы. Самым показательным в данном случае является включенное им в «Наставления о науках» описание Вивария: «есть там... орошаемые сады и текущая поблизости богатая рыбой река Пеллена, которая не отличается ни бурным течением, ни мелководьем. Она течёт, искусственно усмирённая для вас: всюду, где это кажется необходимым, принося достаточное [количество воды] для ваших садов и мельниц... Также неподалеку от вас раскинулось море, так что можно заниматься различного рода рыбной ловлей и при желании пойманную рыбу можно пускать в садки. Ибо мы устроили там с Господней помощью прекрасные водохранилища, где под надёжной защитой плавают множество рыб. Они так похожи на прибрежные гроты, что рыба вовсе не чувствует себя в неволе: она может добывать себе корм и прятаться в привычных для себя укрытиях. Мы повелели также устроить там купальни, полезные для исцеления больных тел, туда свободно втекает вода из прозрачных источников, приятнейшая и для питья, и для купания» (*Cassiod. Inst. I, 29, 1*).

Приведенное Кассиодором описание Вивария способно пробудить в памяти читателя картины римских вилл из писем Плиния Младшего и заставить думать о преемственности между аристократической культурой эпохи расцвета Империи и культурой христианских обитателей поздней Античности [Bowes 2018: 449]. Разумеется, мир Флавия Кассиодора уже не был миром Плиния и даже миром Сидония Аполлинария, главного его подражателя среди христианских писателей V в. Как показывает археология, в Галлии уже к концу V в., а в Италии в VI в. произошел упадок и перестройка вилл

[Brogiolo, Arnau: 195]; многие из них обрели новых владельцев, в том числе германцев, большие комнаты в господских домах оказались разделены, очаги сооружались поверх мозаичных полов, на месте римских вилл постепенно рождались поселения иного типа [Bowes 2018: 456]. Варварские вторжения не обязательно напрямую повлияли на судьбу виллы, но, скорее всего, не без влияния со стороны политических преобразований, приведших к разрушению римской государственности, представители римской элиты перестали поддерживать виллу как таковую, монументальная архитектура переставала быть, по словам К. Боуз, важным строительным блоком римской аристократической идентичности, принадлежность к элите уже не требовала участия в дискурсе, основанном на виллах [Bowes 2018: 456].

И тем не менее, как мы видим из приведенного выше описания Вивария, оставленного Кассиодором, как, впрочем, и из всего замысла созданной им обители, вилла в VI веке оставалась важным конструктивным элементом в сознании римлянина. Мы не знаем и вряд ли узнаем, как строилась повседневная жизнь в Виварии, но Кассиодор заставляет видеть в ней прежде всего продолжение литературного досуга благородного римлянина. Еще в начале II в. Плиний Младший писал своему другу Фрундану: «Я разговариваю только с собой и с книжками. О правильная, чистая жизнь, о сладостный честный досуг, который прекраснее всякого дела!.. сохрани себя для литературы и предайся досугу» (*Plin. Ep. I, 9, 5—7*, пер. М.Е. Сергеевко). Спустя же три с половиной столетия Сидоний, описывая Октавиана, виллу своего друга Консенция, показывает, что богатство ее состоит не только из виноградных лоз и тучных полей, но и настолько обширной библиотеки, что трудно определить, чем больше занимается хозяин виллы — возделыванием земли или своего таланта (*Sid. Ep. VIII, 4, 1*). Симбиоз литературных занятий и хозяйственных забот, который подчеркивает тут же Сидоний, указывая Консенцию, что на стил он налегает «не меньше, чем на соху» (*non minus stilo quam vomeris incumbis*), виден и в устройении Вивария. Для большинства читателей Виварий выглядит прежде всего местом интеллектуальных занятий, что не удивительно, если учесть, что значительную часть «Наставлений» занимает обзор библиотеки, собранной Кассиодором для монахов [Klauser; Vuković; O'Donnell: 186]. Но текст «Наставлений» в то же время показывает, что для Кассиодора было важно, чтобы чтение, переписывание и исправление книг дополнялось в Виварии возделыванием полей и садов. Он не только упоминает сады и мельницы в приведенном выше отрывке, но и в главе, посвященной книгам по агрикультуре, где прямо указывает, что «выращивать сады — не чуждо монахам, как и возделывать поля и радоваться обилию урожая» (*Cassiod. Inst. I, 28, 5*). Содержание главы убеждает нас в том, что обитатели Вивария, по мысли его создателя, должны были заниматься также разведением пчел, голубей и рыб (*Cassiod. Inst. I, 28, 6*).

Как и в представлениях Сидония, вилла была общим достоянием хозяина и его друзей, участвующих в литературном *otium*, так и мир Вивария во многом был создан усилиями друзей Кассиодора. Он хвалится тем, что Египтий, проявив любезность, сделал «для нашей родственницы Пробы, святой девы, выдержки из трудов святого Августина, [содержащие] рассуждения по весьма сложным вопросам, различные высказывания и выводы, собрал их в одном томе, разделив их на необходимые части» (*Cassiod. Inst. I, 23, 1*). И тут же поет настоящий гимн своему другу Дионисию, «который, хотя и родился в Скифии, нравами был полностью римлянином» и в котором

соединились «простота с великой мудростью, смирение с учёностью, лаконичность с красноречием» (*Cassiod. Inst.* I, 23, 2), с теплом вспоминает Муциана, Баллатора и Епифания, благодаря чьим переводам с греческого языка библиотека Вивария пополнилась важными кодексами. У нас нет писем Кассиодора периода Вивария, способных показать, что его вилла-монастырь продолжала участвовать в системе эпистолярной коммуникации. Но оговорки Кассиодора по поводу его надежд отыскать те или иные недостающие библиотеке кодексы (*Cassiod. Inst.* I, 3, 6; I, 8, 10) позволяют предположить, что удалившийся в калабрийское поместье бывший придворный продолжал в письмах обращаться к неизвестным нам адресатам для решения своих нужд.

Суммируя сказанное выше, можно констатировать, во-первых, что римская вилла на латинском позднеантичном Западе не только естественным образом испытала на себе влияние христианизации, но и в силу ряда причин (как топографических, так и социокультурных) формировала внутри себя особое христианское благочестие, носители которого — владельцы виллы — порой выступали не столько союзниками, сколько конкурентами епископов в деле евангелизации. Во-вторых, аскетические практики, пришедшие с Востока, оказались созвучны культуре аристократической виллы с ее акцентом на интеллектуальном досуге, в результате чего мы видим на латинском Западе не только ушедших в горы или леса отшельников или неожиданно возникшие «на пустом месте» общежительные монастыри наподобие Леринского, но и попытки создать внутри виллы особый религиозный мир, который лишь условно можно назвать монастырем. В-третьих, даже в период упадка вилл как загородных поселений римской аристократии, поместья оставались важной ментальной категорией, отчего монастыри, создаваемые представителями элиты, формировались по образцу вилл и воспроизводили привычный для них образ жизни.

Список источников

- Apollinaris Sidonius. *Epistolae et carmina*, MGH AA, vol. 8, eds. C. Luetjohann, Th. Mommsen, F. Leo. Berlin: Weidmann, 1887. 484 p. (*Sid. Ep.*).
- Augustinus. *De cura pro mortuis gerenda*, PL, vol. 40, coll. 591—610 (*Aug. De cura*).
- Augustinus. *De civitate Dei*, PL, vol. 41, col. 13—804 (*Aug. De civ. Dei*).
- Cassiodori Senatori *Institutiones*, ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1961. (*Cassiod. Inst.*).
- Paulini Nolani *Epistulae*, CSEL, vol. 29, ed. G. Hartel, Wien, 1894. 462 p. (*Paul. Nol. Ep.*).
- Plinius. *Epistulae*, ed. by R. A. B. Mynors. Indiana University Press, 1962. xii+400 p. (*Plin. Ep.*).
- Sulpicius Severus. *Dialogi*, CSEL, vol. 1, ed. C. Halm. Wien, 1866, pp. 152—216 (*Sulp. Sev. Dial.*).
- Sulpicius Severus. *Vita Martini*, CSEL, vol. 1, ed. C. Halm. Wien, 1866, pp. 109—137 (*Sulp. Sev. Vita Mart.*).
- Teodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis, ed. Th. Mommsen. Berlin, 1905. 392 p. (CTh).
- Vie de Saint Germain d'Auxerre, ed. and trans. R. Borius, Paris: Les Éditions du Cerf, 1965. 222 p. (*Vita Germ.*).

Список литературы / References

- Браун П. КУЛЬТ СВЯТЫХ. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: РОС-СПЭН, 2004. 207 с.
(Brown P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity, 2004, 207 p. — In Russ.)
- Bock N. Making a Silent Painting Speak: Paulinus of Nola, Poetic Competition, and Early Christian Portraiture. *The face of the dead and the early Christian world*, ed. I. Foletti. Roma, 2013, pp. 11—28.
- Bowes K. “Christianization” and the Rural Home. *Journal of Early Christian Studies*, vol. 15 (2), 2007, pp. 143—170.
- Bowes K. Christianization of Villas. *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*, ed. by A. Marzano, G. P. R. Métraux. Cambridge University Press, 2018, pp. 449—460.
- Brogio G.P., Arnau A. Ch. El final de las villas y las transformaciones del territorio rural en Occidente (siglos V—VIII), *Villas tardorromanas en el occidente del Imperio. IV Coloquio Internacional de Arqueología en Gijón*, 2008, pp. 193—213.
- Codou Y., Colin M.-G. La Christianisation des campagnes (IVe—VIIIe siècles), *Gallia*, vol. 64, 2007, pp. 57—83.
- Dölger F. Christliche Grundbesitzer und heidnische Landarbeiter. *Antike und Christentum: Kultur- und religionsgeschichtliche Studien*. Münster, 1976, pp. 297—320.
- Frend W.H.C. Town and Countryside in Early Christianity. *Studies in Church History*, vol. 16, 1979, pp. 25—42.
- Isléme S. Paulinus und sein Nola: Werbung für ein spätantikes Pilgerzentrum. Zurich, 2020. 403 p.
- Klauser T. War Cassiodors Vivarium ein Kloster oder eine Hochschule? *Bonner Festgabe Johannes Straub zum 65. Geburtstag am 18. Oktober 1977*. Bonn, 1977, pp. 413—420.
- Lepelley C. Le patronat épiscopal aux IVe et Ve siècles: Continuités et ruptures avec le patronat classique. *L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle*, ed. É. Rebillard and C. Sotinel. Rome: École française de Rome, 1998, pp. 17—33.
- McLynn N. Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1994. 436 p.
- Momigliano A. Cassiodorus and Italian Culture of His Time. *Proceedings of the British Academy*, vol. 41, 1955, pp. 207—245.
- Mratschek S. Creating Culture and Presenting the Self in Sidonius. *The Edinburgh companion to Sidonius Apollinaris*, eds. C. Kelly and J. Van Waardan. Edinburgh, 2020, pp. 237—260.
- O'Donnell J.J. Cassiodorus. Berkeley: University of California Press, 1979. 303 p.
- Percival J. Villas and monasteries in late Roman Gaul. *The Journal of Ecclesiastical History*, vol. 48, 1997, pp. 1—21.
- Sotinel C. Le personnel Episcopal. *L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle*, ed. É. Rebillard and C. Sotinel. Rome, 1998, pp. 105—124.
- The Roman Villa in the Mediterranean Basin, ed. by A. Marzano, G. P. R. Métraux. Cambridge University Press, 2018. 634 p.
- Vuković M. The Library of Vivarium: Cassiodorus and the Classics. Budapest, 2007. 86 p.

Wataghin G. C. Christianisation et organisation ecclésiastique des campagnes: L'Italie du nord aux IVe—VIIIe siècles, *Towns and Their Territories*, eds. G.P. Brogiolo, N. Gauthier and N. Christie, Brill, 2000, pp. 209—34

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tyulenev.vl@yandex.ru

Tyulenev Vladimir Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, tyulenev.vl@yandex.ru